

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
АНТИЧНОЙ ИТАЛИИ И РИМА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ
ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

*(Проблема начала Рима. Новое в этрусской археологии.
Вопросы пунической колонизации)*

Археологические раскопки последнего десятилетия в Италии были особенно интенсивными и плодотворными. Исследуются новые центры, ранее совершенно или почти неизвестные, а расширение материала из центров давно известных нередко оказывается столь значительным, что и результаты предыдущих раскопок начинают вырисовываться в новом свете. Все это вносит значительные коррективы в наши представления о прош-

лом, заставляя подчас возвращаться к прежним дискуссиям, пересматривать, казалось бы, давно решенные проблемы и выдвигать новые, для самой постановки которых раньше не хватало конкретного материала.

Это относится, хотя и в разной степени, ко всем узловым моментам ранней истории Италии: к проблеме развития италийских племен; к греческой колонизации с ее проблемой влияния греков на внутренние области Италии; к финикийской колонизации с ее проблемой взаимоотношений с местными племенами и Римом; к ряду вопросов этрусской урбанистики и, наконец, к вызывающей в последние годы особенно живой интерес проблеме начала Рима и связанного с ней осмысления материала античной традиции. Из перечисленного круга проблем для настоящего обзора выбраны три последних.

Интерес к началу Рима, возросший уже в результате планомерных раскопок 1948—1949 гг. (когда к первым неясным следам оснований хижин, обнаруженных на Гермале еще в начале века, добавляются совершенно определенные остатки оснований 29 хижин, найденные Е. Гьерстадом), особенно обостряется с начала 60-х годов в связи с серией неожиданных находок, проливающих новый свет на проблему оценки античной традиции¹.

Наиболее интересны в этом плане раскопки 60-х годов на месте древнего Лавиния, обнаруженного несколько севернее Лавиния современного (местечко Пратика ди Маре), и на Бычьем рынке (в районе церкви Сан-Омобано).

Раскопки Лавиния ведутся Институтом античной топографии при Римском университете под руководством Ф. Кастаньоли. В настоящее время частично вскрыта обнаруженная аэрофотосъемкой стена, указывающая на значительные размеры древнего города. Раскопки акрополя, давшие керамику XII—XI вв. до н. э., доказывают, что место это было известно задолго до возникновения здесь крупного городского центра².

Весьма интересна находка 13 сложенных из местного туфа и вытянутых в одну линию алтарей, обнаруженных к югу от поселения. Самый древний из них относится к VI в. до н. э., а найденная вокруг алтарей керамика свидетельствует о том, что святилище функционировало до I в. до н. э.³ Алтари составляли часть обширного храмового комплекса, к которому, видимо, относится также расположенное к северо-востоку от них здание, датируемое VI в. до н. э. и возникшее, судя по найденной рядом архитектурной терракоте, на месте более древнего святилища. Обилие найденной в нем керамики VI в. до н. э. позволяет считать его чем-то вроде хранилища votivных предметов. Возможно, что одновременно оно служило и жилищем для персонала святилища⁴.

К юго-востоку от алтарей раскопано другое храмовое здание, прямоугольное в плане, с небольшой квадратной целлой. В его нижней части вскрыта могила, которую находящийся в ней погребальный инвентарь позволяет отнести к VII в. до н. э.⁵

При раскопках городского поселения обнаружены дома VI в. до н. э., времени наивысшего расцвета Лавиния. Жизнь города, как установлено, продолжалась примерно в тех же границах по крайней мере до II в. до н. э., последовавшее затем заметное уменьшение территории города согласуется с сообщениями древних авторов о превращении Лавиния в чисто религиозный центр, куда консулы, преторы и диктаторы направлялись при вступлении в должность принести жертвы богам-прародителям⁶.

¹ P. Romanelli, *Certeza e ipotesi sulle origini di Roma*, «Studi romani», 1965, № 2, стр. 156; J. Neurgon, *Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques*, P., 1969, стр. 81, 83. Об итогах исследования проблемы начал Рима в свете археологических данных до 1960 г. см. E. Gjerstad, *Early Rome, I—III*, Lund, 1953—1964; Л. А. Ельницкий, *Археологическая документация древнейшего периода истории Рима*, ВДИ, 1960, № 1, стр. 150—158.

² S. Moscatti, *Italia sconosciuta*, Milano, 1971, стр. 213—215.

³ F. Castagnoli, *I luoghi connessi con l'arrivo di Enea nel Lazio*, «Archeologia classica», XIX, 1966, fasc. 2, стр. 235; Moscatti, *Italia sconosciuta*, стр. 215.

⁴ Castagnoli, *ук. соч.*, стр. 236; Moscatti, *ук. соч.*, стр. 215—216.

⁵ Moscatti, *ук. соч.*, стр. 218.

⁶ Там же, стр. 215.

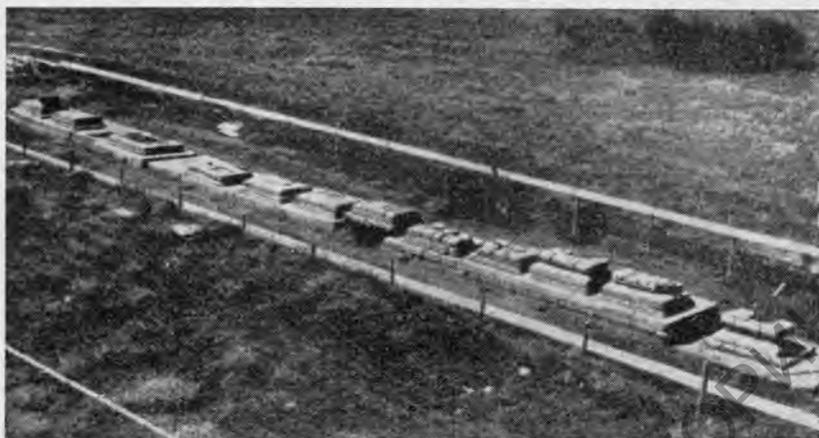


Рис. 1. Лавиний. Зона алтарей *

Раскопки древнего центра Лация, последовательно раскрывающие его историю, исключительно интересны уже сами по себе, особенно для раннего периода, и дают богатый материал для сопоставления с остальными городскими центрами Лация, включая и Рим. Это — параллели, обнаруживаемые сопоставлением типологии находок из Лавиния (особенно бронзовых изделий) с древнейшими находками римского форума. Это — возможность проследить синхронность греческого религиозного влияния на центры Лация (находка возле алтарей бронзовой пластины с посвященной Кастору и Поллуксу надписью, датируемой по особенностям архаической латыни тем же началом V в. до н. э., к которому относится постройка на римском форуме храма Диоскуров). Это — обилие греческой керамики с середины VI в. до н. э., приводящее Ф. Кастаньболи к выводу, что, хотя в условиях этрусского могущества посредническая роль этрусков при ввозе греческих товаров не вызывает сомнения, не исключена и возможность непосредственных контактов между центрами Лация и греческими колониями ⁷.

Этот очевидный интерес к Лавинию как одному из древнейших центров Лация дополняется специфическим интересом к нему как городу, занимающему особое место в римской традиции. Поэтому основное внимание археологов направлено на сопоставление археологического материала с литературной традицией о высадке Энея в Лации.

Дионисий Галикарнасский сообщает, что по прибытии в страну лаврентцев троянцы располагаются укрепленным лагерем в четырех стадиях от моря в месте, которое с этого времени получило название «Троя». Когда в безводной местности неожиданно появляются источники, Эней приносит первую жертву богам в благодарность за дарованную воду. Дионисий добавляет, что и в его время еще показывали два посвященных солнцу алтаря, один к востоку, другой к западу от места, где была принесена эта жертва. После того как троянцы съедают пшеничные лепешки, послужившие им столами во время первой на новом месте трапезы, и Эней вспоминает о древнем пророчестве, гласившем, что город возникнет там, где беглецы съедят свои столы, по приказу Энея начинают готовить второе, более грандиозное жертвоприношение, во время которого бежит в глубь долины предназначенная для жертвы свинья, и Эней, истолковавший это как знамение, следует за ней. Именно там, сообщает Дионисий, где легла пробежавшая 24 стадия свинья, и был основан город (I, 54—56).

Расстояние между Лавинием и зоной, где недавно обнаружены остатки святилища, как раз и составило 4150 м, всего на 112 м меньше расстояния, которое

* Иллюстрации по С. Москати.

⁷ Castagnoli, ук. соч., стр. 238.

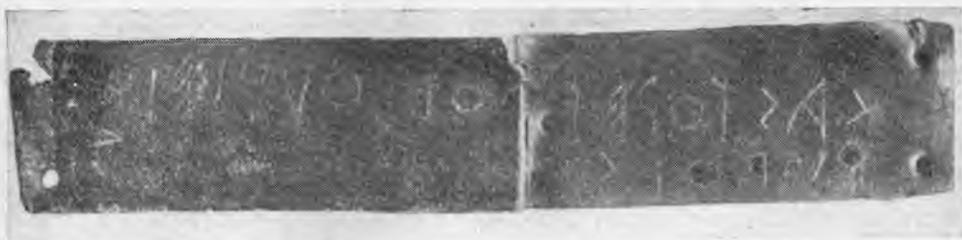


Рис. 2. Вотивная надпись — посвящение Кастору и Поллуксу. Бронза

называет Дионисий. Это приводит итальянских археологов к убеждению, что раскапываемое святилище и есть упомянутое Дионисием⁸.

Не противоречит данным раскопок и вторая цифра Дионисия: расстояние между святилищем и современной линией побережья оказалось около 500 м — на 208 м меньше четырех стадиев Дионисия: не так много, если учесть возможное отступление береговой линии⁹.

Литературная традиция подчеркивает высадку Энея возле устья р. Нумиция (Дион Кассий), в местечке, названном впоследствии Троей, где существовали древние алтари, посвященные солнцу (Дионисий). Правда, по Вергилию, высадка Энея происходит в устье Тибра, но Ф. Кастаньоли справедливо относит это за счет вольности трактовки, которую дает поэт, предпочитая реку с большим историческим престижем. Он предлагает отождествить Нумиций с протекающей возле Лавиния рекой Фоссо ди Пратика, устье которой расположено как раз недалеко от места, отождествляемого с Троей¹⁰.

Таким образом, несмотря на легендарность самой фигуры Энея, места, с которыми легенда связывает его высадку в Лации, неожиданно оказались поддающимися вполне реальной и точной идентификации. В самое последнее время в Лавинии был раскопан героон какого-то несомненно значительного лица. Это курганное погребение с камерой из отесанных камней и площадкой для жертвоприношений. Местонахождение этого памятника наводит на мысль, что перед нами известная из сообщений древних авторов «гробница Энея», где в IV в. до н. э. был установлен официальный культ¹¹. Такая идентификация тем более закономерна, что еще в конце 50-х годов в окрестностях Лавиния была обнаружена латинская архаическая стела с посвящением Энею, датируемая концом IV или самым началом III в. до н. э. Следовательно, археология решительно опровергает распространенное еще недавно мнение, что легенда о троянском герое в Италии была введена на основе греческих моделей лишь Невием или Фабием Пиктором¹².

Помимо несомненного вклада в решение тех вопросов, на выяснение которых были направлены усилия археологов, раскопки Лавиния неожиданно выявили и еще один важный аспект, связанный с экономической жизнью Лация. Тот факт, что близ моря обнаружено священное место и центр, зависимый от Лавиния, по мнению С. Москати, свидетельствуя об открытом выходе к морю, раскрывает связи Лавиния с карфагенским и особенно греческим миром: «Таким образом, к традиционному мнению об Этрурии как единственном и исключительном пути для знакомства Рима с греческой культурой, теперь можно добавить концепцию независимых контактов непосредственно

⁸ Castagnoli, ук. соч., стр. 238. Страбон (V, 3, 2) называет те же 24 стадия, считая их расстоянием от города не до святилища, а до моря, но это, по мнению Ф. Кастаньоли, просто небольшая неточность, тем более что и Тит Ливий (I, 1, 4) и Дион Кассий (фрагменты 1, 3) подтверждают данные Дионисия.

⁹ Castagnoli, ук. соч., стр. 338.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Studi romani», 1972, № 2, стр. 285 (в разделе «Vita culturale»).

¹² Scoperta di antichissime tracce del mito di Enea nel Lazio, «Rivista di filologia e di istruzione classica», 1960, № 1, стр. 98.

через юг полуострова и морские пути». Выводы эти приводят С. Москати, давно интересующегося проблемами средиземноморских связей и контактов, к интересному повороту в переосмыслении самой легенды: «И может быть, миф об Энее пришел как раз этими путями, и, соединив в перипетиях возникновения Рима элементы греческие и карфагенские, более или менее осознанно выразил в символике образов легенды великие компоненты древней средиземноморской цивилизации»¹³.

Не меньшее значение для проблемы начала Рима представляют результаты раскопок на Бычьем рынке (возле церкви Сан-Омобано), которые ведутся с 1959 г. все более и более совершенными методами, и на Палатине, где за последние годы П. Романелли обнаружил жилища VIII в. до н. э., т. е. времени, к которому традиция как раз относит возникновение Рима¹⁴.

Стратиграфическое исследование почвы, предпринятое еще Гьерстадом вокруг Сан-Омобано, дало многочисленные фрагменты апенинской и субапенинской керамики бронзового века, самые ранние из которых восходят к XIV столетию до н. э. Их следует отнести к наносному слою, попавшему сюда вместе с землей из пещер одного из соседних холмов, Капитолия или Палатина, к которым традиция относит древнейшее поселение, предшествовавшее временам Ромула¹⁵. П. Романелли полагает, что предпочтение следует отдать Капитолию, где легенда локализует то поселение, куда за помощью против рутулов обращался Эней, тем более что и территориально Капитолий находится ближе к Бычьему рынку, чем Палатин¹⁶.

Таким образом, удалось установить, что с бронзового века непрерывно до IX—VIII вв. до н. э. на территории будущего Рима жило население, которое держало в своих руках переправу через Тибр¹⁷.

Широкий резонанс среди археологов и историков раннего Рима вызвала находка на Бычьем рынке архаического святилища под одним из храмов республиканского времени. Фрагменты его глиняной облицовки подтверждают датировку первого или первых священных зданий в этой зоне серединой VI в. до н. э. Такая датировка подкрепляется и находками греческой и этрусской керамики в вотивных хранилищах храма, которые в большинстве следует отнести к средним десятилетиям VI в. до н. э.¹⁸ Все это дает основания считать, что храм мог быть действительно основан Сервием Туллем, согласно традиции Ливия (V, 19, 6) и Дионисия (IV, 27, 7). Именно такой оценки придерживаются итальянские исследователи. Подчеркивая, что находка святилища возле Сан-Омобано — первый археологический документ царского Рима, М. Паллоттино считает, что ее следовало бы тем самым рассматривать «как одно из самых убедительных доказательств правильности традиционных сведений о времени царствования Сервия Туллия и его деятельности»¹⁹.

Безусловно большой интерес представляет находка на том же Бычьем рынке этрусской надписи VII в. до н. э. — самой древней надписи, найденной до настоящего времени в Риме. Она сделана на вазе и представляет собой имя или часть имени посвятившего. По типу вазы и начертанию букв это последнее десятилетие VII в. до н. э. Таким образом, эпиграфика подтверждает наличие этрусского элемента в Риме как раз в тот период, к которому традиция относит приход к власти первого этрусского царя Тарквиния Древнего²⁰. Эта уникальная находка дает еще один веский аргумент, подтверждающий историческую реальность этрусской династии в Риме именно для того периода, к которому ее относит традиция. Новая надпись дополняет уже имевшиеся раньше, но, может быть, не до конца осмысленные данные (две надписи на вазах бук-

¹³ M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 220.

¹⁴ S. M o s c a t i, Archeologia mediterranea, Roma, 1966, стр. 226.

¹⁵ R o m a n e l l i, ук. соч., стр. 157—158; H e u r g o n, ук. соч., стр. 81.

¹⁶ R o m a n e l l i, ук. соч., стр. 158.

¹⁷ M. S q u a r c i a p i n o, Gli scavi di interesse romano in Italia, «Studi romani», 1969, № 2, стр. 195; H e u r g o n, ук. соч., стр. 81.

¹⁸ M. P a l l o t t i n o, Fatti e legende (moderne) sulla più antica storia di Roma, SE, 31, 1963, стр. 31.

¹⁹ Там же, стр. 30.

²⁰ M o s c a t i, Archeologia mediterranea, стр. 226.

коро VI в. до н. э., открытые — одна у подножия Капитолия, другая на вершине Палатина, подтверждающие наличие этрусков в самом центре города, и главное — явно этруская техника мощения форума булыжником: следы первого мощения большинство исследователей относят к концу VII в. до н. э.; в течение VI в. до н. э. форум мостился еще дважды и одновременно проводились дренажные работы — многочисленные подземные каналы и особенно *Cloaca Maxima*)²¹.

Таким образом, в критическом сопоставлении с литературными данными раскопки последних лет, частично поднимая совершенно новый материал, частично качественно расширяя уже известный, раскрывают новые перспективы для восстановления начального периода римской истории.

Велико число открытий, сделанных за последнее десятилетие и в области этрусской археологии. Многие из них, даже относясь к уже известным центрам (Тарквинии, Черветери, Орвието, Марцаботто), столь значительны, что подчас меняют сложившиеся представления, заставляя по-новому взглянуть на старые проблемы; но особенно велико значение раскопок совершенно новых центров, раньше не имевших никакой прочной документации (Рузеллы, Пирги, Акваросса, Грависка).

В Тарквиниях, где в результате работ К. Леричи, регулярно ведущихся с 1958 г., обнаружено более 150 новых расписанных гробниц²², само количественное увеличение материала не могло не привести к качественному изменению наших представлений об этрусской живописи (а следовательно, косвенно и живописи греческой). Оно открыло перед изучением всего этрусского искусства совершенно новые горизонты, придав прежним разрозненным знаниям непрерывность, позволило приступить к воссозданию целостной картины развития. «Новые находки в Тарквиниях, — подчеркивает Г. Мансуелли, — по мере постановки ими новых проблем позволяют воспринимать давно известные памятники все в новом и новом свете»²³.

Сама возможность более четко выделить хронологические и художественные фазы дает теперь исследованию этрусского искусства строго научную основу.

Прежде всего, если до последних находок самой архаической из гробниц Тарквиний считалась гробница Быков²⁴, то теперь четко выделяется фаза раннеархаическая. Она представлена простейшей росписью гробницы Хижин, где дается просто архитектурная схема древнего этрусского дома, и несколькими гробницами с фигурами львов в пустых пространствах фронтонов. Значительно расширяются наши знания об искусстве поздней архаики и классики, и, наконец, представлено почти неизвестное ранее в Тарквиниях более позднее направление этрусской живописи, типичным образцом которого может служить гробница Джильоли²⁵.

Большое количество материала позволило увидеть черты, ранее ускользавшие от исследователей, яркую индивидуальность каждого памятника: оказалось, что ни одна гробница не повторяла по своей росписи другой. При этом наряду с искусством аристократическим мы видим и явно народную струю²⁶, которая раньше прослеживалась только на материале пластики²⁷.

²¹ M. Pallottino, Roma, в «Rivista di epigrafia etrusca», SE, 22, 1952/53, стр. 309—310; Neurgon, ук. соч., стр. 237—239.

²² M. Pallottino, G. Colonna, Tarquinia, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 7, 1966, стр. 620; A. Tonini, La tomba tarquiniese del Cacciatore, SE, 38, 1970, стр. 45; А. И. Немировский, А. И. Харсекин, Этрусски, Воронеж, 1969, стр. 23.

²³ G. A. Mansuelli, Le sens architectural dans les peintures des tombes tarquiniennes avant l'époque hellénistique, «Revue archeologique», 1967, № 1, стр. 41.

²⁴ L. Banti, Problema della pittura arcaica etrusca: la tomba dei Tori a Tarquinia, SE, 24, 1955/56, стр. 145; R. Bianchi-Bandinelli, Arte etrusca, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 3, 1960, стр. 484.

²⁵ M. Moretti, Nuovi monumenti della pittura etrusca, Milano, 1966.

²⁶ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 127.

²⁷ Bianchi-Bandinelli, ук. соч., стр. 486.



Рис. 3. Тарквинии. Гробница Джильоли

Самостоятельный и оригинальный характер живописи, не исключаящий, разумеется, обращения к греческим образцам, особенно ясно проявляется в неизвестных ранее сценах повседневной жизни (например, гробница Корабля). Таким образом, новые материалы позволяют с полным правом распространить на область живописи вывод, который уже раньше делался в связи с изучением скульптуры и мелкой пластики: «Этрусское искусство может рассматриваться как одно из самых автономных среди всех художественных цивилизаций, расцветших внутри круга греческого влияния»²⁸.

На материале новых находок была подтверждена сама специфическая природа росписи этрусских гробниц, основное содержание которой сводится к стремлению создать вокруг покойного сцены его земной жизни, чтобы возродить для него в потустороннем мире все то, что окружало его в мире земном. Однако совершенно новым аспектом, которому раньше не уделялось должного внимания и который раскрылся только теперь, оказывается характер декоративной системы памятника.

Открытия в Тарквиниях в соединении с материалом некрополей Черветери, гробницы которых по архитектурным элементам (шилястры, двери, окна), мебели (кровати, кресла), а иногда и воспроизведенной на стенах утвари имитируют внутреннее устройство дома²⁹, дают возможность с большей уверенностью судить о значении гробниц для изучения этрусской архитектуры. «Новые раскопки, — утверждает Мансуелли, — подтвердили, что подземные комплексы отражают внутренний вид дома или его частей» и такое архитектурное воспроизведение «несомненно, более значимо для знания этрусского дома, чем небольшие модели, которые дают нам урны или надгробные колонки»³⁰.

Новые раскопки в Черветери и Орвьето обогащают этрускологию и в другом плане. В Черветери за последние годы была раскопана новая зона погребений. Основное содержание работ этих лет — в изучении урбанистической организации некрополя, воспроизводящей в конечном счете урбанистику самого этрусского города. Обширные комплексы могил, систематически раскопанные вдоль погребальных улиц, дают отраженный образ этрусского поселения³¹. В Орвьето особенно четкую урбанистическую схему дает наиболее систематически изученный некрополь Крочефиссо дель Туфо. Новые раскопки этого некрополя, начатые в 1961 г., дали, по словам руководившего археологическими работами М. Биццарри «ту ясно геометрическую планиметрию, которую век спустя Гипподам Милетский изобретет для греческих городов»³². Линейность эта идеальна, несмотря на то что некрополь расположен на участке с сильным наклоном: прямоугольные островки могил располагаются, как дома живых, вдоль двух сторон улочек, поднимающихся перпендикулярно склону горы и встречающихся под прямым углом с другими горизонталями³³. «Ни один этрусский некрополь, — утверждает Г. Мансуелли, — может быть даже церский, не передает в такой мере, как орвьетский, ощущение и идею города, хотя и сделанного „компактным“ из-за специфических потребностей»³⁴.

Такое перенесение центра тяжести работ на изучение урбанистической организации некрополя отражает общий интерес к проблеме этрусского города и дома, особенно усилившийся в 60-х годах в связи с раскопками Г. Мансуелли в Марцаботто³⁵.

²⁸ Bianchi-Bandinelli, ук. соч., стр. 487.

²⁹ M. Pallottino, Cerveteri, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 2, 1959, стр. 519.

³⁰ Mansuelli, Le sens architectural..., стр. 41.

³¹ Moscatti, Italia sconosciuta, стр. 122.

³² M. Bizzarri, Orvieto etrusca. Arte e storia, Orvieto, 1972, стр. 21.

³³ M. Bizzarri, La necropoli del Crocefisso del Tufo in Orvieto SE, 30, 1962, стр. 1—154; 34, 1966, стр. 90—109; M. Bizzarri, Orvieto etrusca..., стр. 19—25.

³⁴ G. A. Mansuelli, La necropoli orvietana di Crocefisso del Tufo: un documento urbanistica etrusca, SE, 38, 1970, стр. 4.

³⁵ Раскопки, которые в 1950 г. были возобновлены в Марцаботто после более чем полувекового перерыва сначала П. Е. Ариасом, а затем (с 1958 г.) Г. А. Мансуелли, первоначально ограничивались зондажами. В 1959—1961 гг. Мансуелли провел ряд зондажей вокруг ворот, чтобы наметить возможные элементы связи ворот с другими стенными структурами; в 1963 г. велись зондажи в секторе старых раскопок, чтобы проверить, стоят ли раскопанные в XIX в. стены на древних основаниях. После на-

Раскопки эти прежде всего позволили вернуться на новом материале к старому спору о материале и структуре верхней части стен этрусского дома. Спор этот возник еще в прошлом столетии, поскольку от этрусских домов находили лишь цоколи фундаментов из крупной речной гальки, связанной илом, что могло навести на мысль о несохранившейся деревянной структуре строения. Однако уже Бридио, возглавлявший в 80-х годах раскопки, исключал возможность использования дерева для стен или даже крешелей, указывая на полное отсутствие его следов. Он полагал, что стены были из туфа и травертина (на эту мысль его навели находки сотни туфовых и нескольких травертиновых блоков). Тогда же Сардини, считая, что от того количества камня, которое требуется для стен, должны были остаться более основательные следы, и ссылаясь на античных авторов (в частности, на Витрувия и Плиния), предположил, что стены были из необожженного кирпича³⁶. Того же мнения придерживался Гренье, добавлявший к этому, что наряду с необожженным кирпичом могла применяться и прессованная глина³⁷. Однако отсутствие археологических остатков, которые убедительно подтверждали бы какую-нибудь из этих гипотез, оставляло их в сфере рассуждений.

Мансуелли, приняв тезис Сардини, впервые документирует его археологически. Им обнаружены большие глиняные «бруски» (средний размер: 35 × 15 × 15) из зеленоватой глины, сформованные и, возможно, даже подвергнутые поверхностному обжигу³⁸. Бруски эти в Марцаботто выявлены во многих местах — всегда на значительных участках и вместе с обломками черепицы, что позволяет Мансуелли интерпретировать их как остатки обрушившихся стен, т. е. видеть в них достоверную документацию существования стен из необожженного кирпича (или во всяком случае крупных элементов не вполне обожженной глины), поднимавшихся над цоколями из речной гальки³⁹.

На основании количества и положения найденных им брусков Мансуелли даже высчитывает примерную высоту стен, приходя к выводу, что они не превышали 2—3 м и могли держаться без каркаса и связующих материалов⁴⁰. На одноэтажности этрусского дома настаивает и Р. Стаччоли⁴¹, который полностью разделяет мнение Мансуелли и о материале верхней части стен⁴².

Правда, далеко не всем исследователям наличие глиняных брусков кажется достаточным аргументом для окончательных выводов о структуре стен, и на симпозиуме 1966 г. «Этрусский и италийский доримский город» было выдвинуто несколько гипотез, авторы которых настаивали на необходимости деревянных элементов в качестве арматуры для стен из необожженного кирпича и предлагали ряд более или менее слож-

ходки в 1965 г. на пересечении улиц А и G двух столбиков «дорожных указателей» было решено возобновить систематические исследования на территории города, которые и развертываются с августа 1966 г. (A. T r i p p o n i, Storia degli scavi, в разделе: Problemi e testimonianze della città etrusca di Marzabotto, SE, 35, 1967, стр. 396—411). Публикации материалов новых раскопок см. в том же разделе: SE, 35, 1967, стр. 381—445; 36, 1968, стр. 115—119; 37, 1969, стр. 229—233; 38, 1970, стр. 215—250; 39, 1971, стр. 217—230. В советской литературе о раскопках в Марцаботто см. Н е м и р о в с к и й, Харсекин, ук. соч., гл. 1.

³⁶ Отсутствие следов необожженного кирпича Сардини объяснял как непрочность материала, так и тем, что «если бы и нашли несколько экземпляров, никто бы не придал им значения, потому что до сих пор не обращали внимания на этот простой и рациональный метод строительства, широко практиковавшийся древними народами» (цит. по R. A. Staccioli, Sulla struttura dei muri nelle case della città etrusca di Misano a Marzabotto, SE, 35, 1967, стр. 114).

³⁷ Там же, стр. 113—114.

³⁸ С некоторыми из них в Музее Марцаботто был произведен опыт реконструкции небольшого участка стены (Guida alla città etrusca al museo di Marzabotto a cura di G. A. Mansuelli, Bologna, 1966, стр. 38, рис. 32).

³⁹ P. E. Arias, G. A. Mansuelli, Marzabotto, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 4, 1961, стр. 898; Staccioli, Sulla struttura dei muri..., стр. 114—115.

⁴⁰ Staccioli, ук. соч., стр. 115.

⁴¹ R. A. Staccioli, A proposito della casa etrusca a sviluppo verticale, «Città etrusca e italica preromana, Atti del Convegno», Bologna, 1967.

⁴² Staccioli, Sulla struttura dei muri..., стр. 117.

ных ее систем⁴³. Однако тезис этот продолжает наталкиваться на непреодолимое препятствие; поскольку, по словам Мансуелли, «нигде на исследованной территории никогда не находили отверстий для втыкания несущих столбов, как следовало бы ожидать при наличии деревянной арматуры»⁴⁴, хотя в поисках подобных следов Мансуелли провел множество проб в разных местах города возле предполагаемых участков стен⁴⁵. Непрочность дерева, на которую ссылаются оппоненты Мансуелли, не может служить достаточным объяснением полного отсутствия его следов, поскольку в тех же раскопках мы сталкиваемся со случаями, когда такие следы легко различимы⁴⁶.

Новые раскопки Марцаботто дали толчок не только изучению структуры этрусского дома и даже не только изучению конкретного этрусского города — они привели к постановке ряда проблем, связанных с этрусской урбанистикой вообще.

Урбанистика Марцаботто входит в широкую область античного опыта прямоугольных систем, существовавшего еще до того, как его сформулировал Гипподам Милетский. И в Северной Италии опыт этот объясняется широкими контактами с греческим миром⁴⁷.

Главная улица Марцаботто, идущая с юга на север, делит город на две примерно равные части; ее пересекают под прямым углом на равном расстоянии три улицы, самая северная из которых, видимо, связывала жилую часть с акрополем. Ширина всех этих улиц — по 15 м; ширина второстепенных, прорезавших город с юга на север, — по 5 м. Уличная сеть дорог делит город на инсулы, широкая сторона которых (направление север — юг) имеет равную длину при различной ширине. Поразительная правильность в осуществлении городского плана отражается и на внутреннем делении инсул, каждая из которых включала владения нескольких собственников, отделенные друг от друга небольшими канальчиками. Вдоль артерии, идущей с юга на север, раскопками Мансуелли открыто несколько комплексов, показывающих общие элементы зданий: входной коридор над канализацией и квадратный центральный двор с колодцем, вокруг которых расположена вся система помещений, — план, который позволяет П. Е. Арпасу усматривать аналогии с домами Олинфа. Центр города занят металлургическими мастерскими, на окраинах — мастерские кирпичича и посуды. Возможно, скоплением мастерских в центре и объясняется непривычная для античного города ширина улиц⁴⁸.

В 1967 г. была обнаружена хорошо сохранившаяся литейная мастерская, давшая помимо чисто технических сведений интересный материал и по проблеме города. Самый нижний уровень культурного слоя, соприкасающийся уже с материком, уходит за пределы здания мастерской, занимая значительный участок улицы под щелеватым покрытием. Иными словами, мастерская функционировала еще до появления прямоугольного плана города, с возникновением которого была несколько перестроена, чтобы войти в его рамки⁴⁹. В связи с этим открываются находки «оснований хижин», выявленных еще в прошлом столетии (и подтвержденных зондажами 1961 г.) как раз

⁴³ Там же, стр. 116.

⁴⁴ Цит. по Staccioni, *Sulla struttura di muri...*, стр. 116.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Например, следы элементов вертикальной опоры из дерева были найдены в 1964 г. при раскопках остатков большой печи в южной части города (P. Saronio, *Nuovi scavi nella città etrusca di Misano a Marzabotto. Relazione preliminare*, SE, 33, 1965, стр. 399); два ряда параллельных отверстий, обнаруженные в 1968 г. возле южных ворот, позволяют думать о какой-то связанной с воротами деревянной структуре, возможно поддерживающей также и внутреннюю насыпь (G. A. Mansuelli, в SE, 37, 1969, стр. 231); в 1969 г. в центрально-восточной части города были открыты многочисленные следы деревянных столбов, предположительно поддерживавших навес для скота, легко различимые по темному цвету земли, смешанной с мелкими кусочками угля (L. Camprognano, A. Grillini, G. Sassatelli, в SE, 38, 1970, стр. 231—235).

⁴⁷ Arias, Mansuelli, Marzabotto, стр. 898.

⁴⁸ Saronio, *Nuovi scavi...*, стр. 385—416.

⁴⁹ G. V. Gentili, *Nuovi risultati di scavo. Esplorazione di una fonderia di bronzo*, SE, 36, 1968, 116—117 (в разделе «Problemi e testimonianze della città etrusca di Marzabotto»).

в той же южной части города, где найдена и мастерская⁵⁰. Это придает старым находкам новую значимость: стало возможным с определенностью говорить о догородской фазе, которую условно можно было бы назвать Марцаботто I⁵¹.

В планировке города и П. Ариас, и Г. Мансуелли усматривают свидетельства этрусской интерпретации греческой системы. Г. Мансуелли настаивает на том, что Марцаботто дает пример скрупулезного соблюдения этрусского ритуала и сама урбанистическая структура является эманацией и расширением священной цитадели⁵². Доказательством этого Мансуелли считает один и тот же порядок ориентации и поселения, и священных зданий акрополя, но особенное значение придает находке в 1965 г. под вымосткой улицы на пересечении предполагаемых *cardo* и *decumanus* воткнутого в землю камня с двумя крестообразно расположенными бороздками, тогда как под некоторыми другими перекрестками тогда же были обнаружены камни со знаком лишь отправной точки, а не направления⁵³. Мансуелли полагает, что эти бороздки можно трактовать как «один из тех крестов или звезд, которые источники ясно связывают с этрусским ритуалом разграничения»⁵⁴, известного для храмов. Таким образом, в найденном на пересечении улиц *A* и *G* указателе исследователь видит основной аргумент, подтверждающий наличие городского плана с двумя центральными осями, который указывает на этрусскую схему с осевым пересечением, имевшую сакральный характер — в отличие от вытекавшей из практических потребностей греческой схемы не осевой, а ритмической геометризации, построенной на разных параллельных осях эквивалентного значения.

Если принять этот тезис, то план Марцаботто следует выводить не из «чистой и прямой кальки с греческого плана», но «из компромисса между этрусской доктриной... и греческим урбанистическим опытом»⁵⁵. На тесной связи урбанистики Марцаботто с сакральной этрусской ориентацией настаивает и Р. Блох⁵⁶. Однако далеко не все исследователи соглашаются с этой концепцией, как не все считают сами раскопки Марцаботто источником, позволяющим делать общие выводы по этрусской урбанистике.

На том же материале Марцаботто Ф. Кастаньоли, давно занимающийся проблемами урбанистики, начал говорить об абсурдности самого понятия «этрусского» города, доказывая сопоставлением с греческими образцами «абсолютно греческий характер плана Марцаботто», представшего в результате раскопок Мансуелли «как город греческой урбанистики»⁵⁷.

Что касается основного аргумента Мансуелли, то, по мнению Кастаньоли, найденные указатели естественнее расценивать как простые отправные точки технических операций: чтобы построить город Гипподамова плана, нужно разметить прямоугольные улицы, и нет ничего удивительного, что в землю втыкались опорные указатели, вытаскивать которые строители не испытывали необходимости⁵⁸.

Таким образом, раскопки в Марцаботто прежде всего внесли позитивный вклад в решение вопроса о верхней части стен этрусского дома. Далее, несмотря на ограниченность данных и спорность их интерпретации, систематическое исследование города, выявившее его планировку, позволило вернуться «к утверждению о самостоятельности этрусской урбанистики по отношению к греческой»⁵⁹. Смысл возникшей дискуссии шире, чем спор о греческом или компромиссном характере урбанистики Марцаботто:

⁵⁰ Gentili, ук. соч., стр. 116.

⁵¹ Там же, стр. 117.

⁵² G. A. Mansuelli, Problemi e prospettivi di studio sull'urbanistica antica. La città etrusca, «Studi storici», 1967, № 1, стр. 19.

⁵³ G. A. Mansuelli, Contributo allo studio dell'urbanistica di Marzabotto, «Parola del passato», XX, 1965, стр. 314.

⁵⁴ Mansuelli, Problemi e prospettivi di studio sull'urbanistica antica, стр. 19.

⁵⁵ Там же, стр. 24.

⁵⁶ Convegno internazionale: «La città etrusca e italica preromana», SE, 34, 1966, стр. 418.

⁵⁷ F. Castagnoli, Note di architettura e di urbanistica, «Archeologia classica», XX, 1968, fasc. 1, стр. 119.

⁵⁸ Там же, стр. 120.

⁵⁹ R. A. Staccioli, Urbanistica etrusca, «Archeologia classica», XX, 1968, fasc. 1, стр. 149.

ее суть в постановке вопроса о светском или сакральном характере этрусской урбанистики вообще⁶⁰. И наконец, раскопки дали несомненный толчок исследованию урбанистических проблем в самом широком плане. Недаром в 1967 г., обозревая современное состояние проблемы античной урбанистики, Г. Мансуелли имел все основания сказать: «По вопросам античной урбанистики писали и дискутировали, можно сказать, с тех пор, как возник критический интерес к античности, но не знаю, была ли когда-нибудь актуальность этой темы столь живой и жгучей, как сейчас»⁶¹.

Однако чтобы ответить на вопросы, возникшие в связи с раскопками Мансуелли, материала Марцаботто недостаточно — и не только вследствие его ограниченности и спорности, но и потому, что отсутствие параллелей не позволяет решить, имеем ли мы дело с характерным образцом этрусского города или, как полагает Р. Стаччоли, «с документальным уникалом, из которого нельзя извлечь обобщений»⁶².

Поэтому внимание исследователей, занимающихся проблемой урбанистики, наряду с Марцаботто приковывают раскопки другого хорошо сохранившегося этрусского города — одной из столиц этрусского двенадцатиградья — Рузелл (современная Розелла). Одно время даже казалось, что именно Рузеллы должны со временем дать ответы на вопросы, поставленные, но не решенные на материале Марцаботто.

Раскопки Рузелл, которые планировались и даже начинались еще в 1942 г., разворачиваются с 1959 г.⁶³ В предисловии к отчету о первом сезоне раскопок в 1959 г. Р. Бьянки-Бавдинелли решительно утверждал, что Рузеллы — «единственное место, которое может сказать нам, чем был этрусский город»⁶⁴. Серия проб, осуществлявшихся с 1957 г. Германским археологическим институтом Рима, показала, что стены Рузелл в основной своей части восходят к VI в. до н. э. и принадлежат к плану этрусского города⁶⁵; первый же сезон работ подтвердил наличие обширного слоя этрусского периода сразу же под руинами римского времени⁶⁶. Подводя итоги работам следующего сезона, руководящая раскопками К. Лавьоа выражала надежду получить в Рузеллах «точные знания об этрусском городе, его домах и улицах, общественных зданиях и площадях»⁶⁷. Представлялось, что заброшенный на десять столетий и далекий от современных жилых центров холм Рузелл «способен стать этрусскими Помпеями, имеющими еще и то преимущество, что будет обрисован город не одной эпохи, но всех наиболее важных периодов этрусской и римской цивилизации»⁶⁸. Однако уже скоро стало ясно, что «этрусские Помпеи» раскрывают не столько собственно этрусскую, сколько более поздние эпохи своей истории.

Город раскинулся на двух холмах, точнее, на холме с двумя вершинами. Он был окружен мощным поясом стен (без башен, как и в других этрусских центрах), сохранившимся почти на всей протяженности (около 3 км) и имел пять ворот, из которых лишь одни (северные) точно установлены зондажами Германского археологического института, а остальные (западные, юго-западные, юго-восточные и восточные) локализируются по строению почвы и на основе современных тропинок, возможно, восходящих к античным улицам⁶⁹. Первые следы поселения относятся к поздневиллановскому пери-

⁶⁰ F. Castagnoli, Note di architettura e di urbanistica, «Archeologia classica», 1968, XX, fasc. 1, стр. 121.

⁶¹ Mansuelli, Problemi e prospettivi di studio sull'urbanistica antica, стр. 5.

⁶² Staccioli, Urbanistica etrusca, стр. 150.

⁶³ C. Laviosa, Rusellae. Relazioni preliminari, SE, 27, 1959, стр. 3—40; 28, 1960, стр. 298—337; 29, 1962, стр. 31—46; 31, 1963, стр. 39—55; 33, 1965, стр. 49—108; 37, 1969, стр. 577—609; 39, 1971, стр. 521—566; см. также ее же заметки в «Rassegne degli scavi»: SE, 27, 1959, стр. 225; 28, 1960, стр. 439; 29, 1962, стр. 247; 31, 1963, стр. 169; 33, 1965, стр. 417; 34, 1966, стр. 297; 35, 1967, стр. 479—480; 36, 1968, стр. 157; 38, 1970, стр. 251; 39, 1971, стр. 301.

⁶⁴ SE, 27, 1959, стр. 5.

⁶⁵ Там же; C. Laviosa, Roselle, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 6, 1965, стр. 1026 сл.

⁶⁶ SE, 27, 1957, стр. 7—40.

⁶⁷ SE, 28, 1960, стр. 290.

⁶⁸ SE, 28, 1960, стр. 337.

⁶⁹ SE, 31, 1963, стр. 40. Laviosa, Roselle, стр. 1027.

оду и обнаружены в различных точках города в непосредственном соприкосновении со скалой.

Уже в 1962—1963 гг. после четвертого и особенно пятого сезонов раскопок (хотя большая часть города оставалась не раскрытой) стало возможным говорить о стратиграфии Рузелл. Не случайно на ежегодном симпозиуме Института этрускологии 1962 г. этой теме были посвящены два доклада ⁷⁰, а в отчете 1963 г. К. Лавьоза уже дала общую схему основных этапов развития города: первый, наиболее древний, период существования Рузелл — с VII по VI в. до н. э. (ему спорадически предшествовало поздневиллановское поселение); с VI по IV в. до н. э., Рузеллы — обширный и цветущий город архаического и классического периодов, с начала III в. до н. э. вновь отстроенные (после осады и захвата города в 294 г. консулом Л. Постумием Мегеллом) Рузеллы вступают в эллинистический период своего существования, который длится приблизительно до 100 г. до н. э.; затем они существуют как римская колония и, наконец, это небольшой мирный городок императорской эпохи ⁷¹.

Раскопки ведутся одновременно в трех основных зонах (на холмах и в долине между ними), и во всех трех уже прослеживаются следы древнейшего города VII—VI вв. до н. э. В долине между холмами они были обнаружены в первые же археологические сезоны ⁷², на северном холме, где зондажи под римским амфитеатром также с самого начала показывали наличие этрусских остатков, раскопки древнего слоя стали возможны лишь с 1964 г. после реставрации и укрепления римских структур ⁷³, а с 1968 г. следы поселения выявляются и на южном холме ⁷⁴, где долгое время не удавалось обнаружить никакой документации раньше конца VI в. до н. э. ⁷⁵

Постройки со стенами из необожженного кирпича позволяют говорить о городе в полном смысле слова, особенно если сопоставить эти находки со вскрытым еще до начала регулярных работ на северо-западном краю северного холма участком стены, явно относящейся к довольно обширному центру ⁷⁶.

Наиболее полно слой древнейшего города раскрывается в долине, в центре которой в 1960—1964 гг. была раскопана значительная постройка из необожженного кирпича, хорошо сохранившегося благодаря пожару, со своеобразным тротуаром из утрамбованной земли вдоль северной стороны (предназначался, видимо, для защиты основания стены) ⁷⁷. Чтобы сохранить архаические стены, чувствительные к смене температуры и особенно к влаге, вокруг них было возведено защитное покрытие ⁷⁸. К 1967 г. завершаются раскопки другого этрусского дома в том же слое VII в. Дом этот состоит из двух помещений, разделенных полуметровой стеной из необожженного кирпича, сохранившейся на высоту до 2 м, тогда как внешние стены сложены из камней, соединенных глиной и покрытых изнутри толстым слоем необожженной глины, в свою очередь оштукатуренной глиной более светлого цвета. На утрамбованном земляном полу наряду с многочисленными керамическими фрагментами обнаружено много обломков черепицы из обожженной глины красного цвета, а также обожженного кирпича, видимо, защищавшего верх стены от влаги ⁷⁹. Значительный отрезок архаической стены из необожженного кирпича выявлен и под римской базиликой на восточном краю форума императорского времени ⁸⁰.

Во всех зонах раскопок четко прослеживается и второй период истории Рузелл (VI—IV вв. до н. э.).

⁷⁰ P. B o s s i, *Analisi preliminare della stratigrafia di Roselle*, SE, 31, 1963, стр. 453—460; C. B a t t i s t i, *Stratografia toponomastica dell'antico territorio di Roselle*, там же, стр. 461—499.

⁷¹ SE, 31, 1963, стр. 41.

⁷² SE, 28, 1960, стр. 336.

⁷³ SE, 33, 1965, стр. 50, 417; 34, 1966, стр. 298.

⁷⁴ SE, 37, 1969, стр. 273.

⁷⁵ SE, 31, 1963, стр. 45.

⁷⁶ L a v i o s a, *Roselle*, стр. 1027; SE, 31, 1963, стр. 42.

⁷⁷ SE, 31, 1963, стр. 42.

⁷⁸ SE, 33, 1965, стр. 50.

⁷⁹ SE, 34, 1966, стр. 297; 35, 1967, стр. 479, 36, 1968, стр. 157.

⁸⁰ SE, 33, 1965, стр. 51.

На северном холме слой этот, правда, еще не раскапывался, но, как показывают пробы, он несомненно есть. На южном холме он представлен остатками поселения с домами, стены которых (поскольку на них наслаивались строения эллинистического времени) сохранились лишь в основании, где состоят из разнородной массы камней. Хотя в верхней части они не сохранились нигде, но множество фрагментов необожженного кирпича, обнаруженных вместе с керамикой, терракотой и черепицей в заброшенном колодце, наводят на мысль о применении необожженного кирпича⁸¹.

В долине между холмами выявлен значительный участок стены из разнородной массы камней. Вблизи ее найдены многочисленные терракотовые архитектурные детали, наиболее древняя из которых — терракота с головами менад и силенов. Здесь же обнаружено вотивное хранилище с вазами буккеры и фрагментами аттической чернофигурной керамики. Все это наводит на мысль, что уже в позднеархаический и классический период здесь был городской центр с общественными зданиями⁸².

Эллинистический период Рузелл (начало III в. — 100 г. до н. э.) — время наибольшего расширения городской территории, когда дома впервые в истории города местами доходили до самых городских стен.

Наиболее обширные остатки построек этого периода сосредоточены на южном холме, где раскопан целый квартал эллинистического города, наслоившийся на поселение V—IV вв. до н. э. Дома расположены по двум сторонам длинной мощеной булыжником улицы, ограниченной низким тротуаром. Квартал раскинулся на двух террасах, подпираемых мощными стенами. Хорошо прослеживаются каналы для стока вод⁸³. Интересна находка двух больших цистерн для запаса воды, врытых в скалу. В меньшей из них особенно хорошо сохранилась обмазка из толченых черепков и извести (слой 4 мм). В большей цистерне обмазка сохранилась хуже, но зато там, где она отвалилась, виден другой, нижележащий слой⁸⁴.

В долине по-прежнему сосредоточивались общественные здания. Там обнаружена мощеная улица, система канализации и множество архитектурной терракоты и керамических фрагментов⁸⁵.

В период вывода в Рузеллы римской колонии наблюдается некоторое уменьшение территории города. Судя по отсутствию здесь римского материала, эллинистический квартал южного холма в римское время заселен не был: город был сосредоточен в северо-западных кварталах, но ядром его продолжала оставаться долина, где под форумом императорского времени обнаружена почти такая же по размерам площадка, очищенная от земли и покрытая мелкой каменной крошкой⁸⁶.

Наиболее обильные остатки сохранились от Рузелл императорского времени. Начиная с 1960 г. раскопки постепенно раскрывают облик форума императорского периода, обогащая его все новыми и новыми зданиями.

Он представляет собой площадку 41 × 31 м, вымощенную травертином, вошедшим в употребление с римского времени⁸⁷. После расчистки площадки форума, завершенной к 1964 г., основное внимание археологов сосредоточено на окружающих его зданиях (многие из которых к настоящему времени удалось или раскопать полностью, или во всяком случае выявить их структуру).

Всю восточную сторону форума занимает базилика Витрувиева типа, раскопки которой по периметру почти полностью завершились к 1965 г. Это прямоугольное в плане здание 31,8 × 20,1 м, разделенное на три нефа, как кажется, основаниями колоннад. В центре восточной стороны — лестница, которая вела в расположенное перпендикулярно базилике более высокое помещение 12,2 × 8,1 м (возможно, здание суда)⁸⁸.

⁸¹ SE, 31, 1963, стр. 45—46.

⁸² SE, 28, 1960, стр. 290, 302, 336; 31, 1963, стр. 45—47.

⁸³ SE, 28, стр. 311—333, 336; 31, стр. 50; 33, 1965, стр. 417; 37, 1969, стр. 273; 38, 1970, стр. 251; 39, 1971, стр. 544—545.

⁸⁴ SE, 28, 1960, стр. 332.

⁸⁵ SE, 28, 1960, стр. 302, 336; 34, 1966, стр. 297; 39, 1971, стр. 529.

⁸⁶ SE, 31, 1963, стр. 52; 33, 1965, стр. 417.

⁸⁷ SE, 28, 1960, стр. 292; 31, 1965, стр. 55.

⁸⁸ SE, 33, 1965, стр. 50; 34, 1966, стр. 297; 37, 1969, стр. 581.

Находка в этой зоне многочисленных фрагментов статуй, среди которых голова Клавдия, позволяет думать, что это помещение было связано с императорским культом⁸⁹. К востоку и северу от базилики обнаружены другие здания, отделенные от нее узкой мощеной улицей⁹⁰.

На южной стороне фoрyма с 1965 г. раскапывается портик, откуда можно было войти в примыкающее к нему с запада помещение. Еще западнее расположено другое, не соединенное с портиком большое прямоугольное здание (11,3 × 8,5 м), в которое входили через помещение, прилегающее к западному портику фoрyма. Стены этого здания внутри покрыты частично мраморной облицовкой, частично росписью, имитирующей мрамор. В настоящее время оно реставрируется (стены укреплены цементом после закрепления сползших блоков, росписи очищены и закреплены⁹¹). Внутри обнаружен значительный комплекс статуй периода Клавдиев, представляющих всю императорскую семью (Ливия, Клавдий, Тиберий, Друз и др.), и множество надписей. Видимо, это помещение жреческой коллегии (может быть, августалов) или иное, связанное с императорским культом⁹².

На западной стороне фoрyма раскопаны три длинные параллельные стены, первая из которых (восточная) на самом краю мощеной площади⁹³. На северном краю той же западной стороны выявлена стена задней части здания (видимо, портика, закрывавшего форум в императорский период), возле которой обнаружен склад амфор, скорее всего из подвала этого здания⁹⁴.

Из памятников императорского периода в наилучшей сохранности дошел до нас римский амфитеатр на вершине северного холма, приспособленный к нуждам небольшого города: его большая ось всего 38 м, малая — 27. Едва видный раньше (настолько, что в 1959 г. еще не было уверенности, что речь идет об амфитеатре⁹⁵), сейчас он полностью раскопан и по возможности реставрирован. Стена, окружавшая места для зрителей, сохранилась на нескольких участках на всю высоту вместе с шестью или семью ступенями и промежуточными переходами; внешняя же стена, напротив, в большей своей части обрушилась. Составлявшие ее крупные блоки в значительном количестве найдены внутри и вне здания, но многие из них не сохранились, использованные в позднейших постройках⁹⁶.

Таким образом, раскопки Рузелл дают прекрасно сохранившийся эллинистический квартал, раскрывают форум императорского периода с окружающими его зданиями, но этрусский город представлен лишь отдельными строениями и для изучения планировки дает неизмеримо меньше, чем Марцаботто.

Но если в плане изучения урбанистики Рузеллы не оправдали возлагавшихся на них надежд, то для выяснения структуры этрусского дома результаты раскопок исключительны: они дали «совершенно ясное свидетельство о строительной технике, в целом сходной с техникой, предположенной Мансуелли»⁹⁷: низкий цоколь, составленный двумя-тремя неправильными рядами мелких камней, над которым возвышается стена из необожженного кирпича. И как бы ни обогатились последующими находками наши знания об этрусском доме, раскопки Рузелл, как пишет К. Лавьоза, «останутся первыми, давшими нам представление о конструкциях с земляными стенами, которые традиция приписывает этрускам и которые всегда мыслились как стены с каменным основанием и верхней частью из необожженного кирпича»⁹⁸.

С 1966 г. экспедицией Шведского института античности в Риме ведутся раскопки небольшого местечка Аквароссы (в 6 км к северу от Витербо). Сначала это были рядовые

⁸⁹ SE, 34, 1966, стр. 298.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ SE, 39, 1971, стр. 538.

⁹² SE, 33, 1965, стр. 52; 35, 1967, стр. 480; 37, 1969, стр. 594—595; 39, 1971, стр. 538.

⁹³ SE, 37, 1969, стр. 599.

⁹⁴ SE, 34, 1966, стр. 297.

⁹⁵ SE, 28, 1959, стр. 8.

⁹⁶ L a v i o s a, Roselle, стр. 1028, SE, 33, 1965, стр. 417; 34, 1966, стр. 298.

⁹⁷ S t a c c i o l i, Sulla struttura dei muri..., SE, 35, 1967, стр. 121.

⁹⁸ SE, 28, 1960, стр. 307.



Рис. 4. Акваросса. Крыша этрусского дома

раскопки, и еще в 1968 г. Р. Стаччоли, если и ссылался на них, то лишь для того, чтобы упомянуть, что они едва начаты и что говорить о них еще рано. Но с 1970 г. раскопки Аквароссы неожиданно становятся сенсационными.

Впервые начинает обрисовываться чисто этрусский город с его жилыми домами, улицами и общественными зданиями, показывающий нам непосредственно, как жили этруски. Это архаический город VI в. до н. э., сохранившийся в первоначальной структуре, не тронутый последующими перестройками, поскольку, разрушенный около 500 г. до н. э., он был оставлен жителями.

Самое крупное открытие Аквароссы — дома. Схема их совпадает со схемой храма, распянного в северной части акрополя: три помещения, перед которыми портик⁹⁹. Расчистка архаического дома, выявленного в 1970 г., показывает, что в древнейший период стены жилищ складывались скорее всего из блоков туфа в нижней части и обожженного кирпича — в верхней. Кроме того, встречается тип дома с каркасом из бревен, на который накладывалось покрытие из плетеного камыша, обмазанного глиной. Дошло множество остатков такой обмазки, частично обожженной сильным пожаром, на которых ясно выступают следы бревен и камышового плетения¹⁰⁰. Крыши были из чередующейся плоской и полуцилиндрической черепицы. Такая черепица была найдена в огромном количестве, причем некоторые дома дали образцы нигде ранее не встречающейся черепицы с расписными и рельефными изображениями животных (лошадей и оленей)¹⁰¹. Это первое свидетельство о крышах этрусских зданий архаической эпохи и первое свидетельство о наличии в древности расписной черепицы.

Другое интересное открытие в технике строительства жилого дома относится к применению украшенных карнизов, сходных с архитектурными деталями, известными по храмам. Тут много геометрических мотивов, есть животный орнамент (лошади, олени, птицы), широко применялись антефиксы в виде розеток, акротерии или завершения черепицы головами грифонов и драконов¹⁰². Таким образом, оказалось, что «частная архитектура дома повторяет архитектуру общественных зданий не только планом самой постройки, но и декорировкой, хотя, разумеется, в значительно меньших мас-

⁹⁹ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 144—146.

¹⁰⁰ Там же, стр. 148.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.



Рис. 5. Акваросса. Черепица, расписанная изображениями лошадей

штабах»¹⁰³. Об этом исследователи, невольно отталкивавшиеся от греческой урбанистической мысли, даже не подозревали. Это открытие, наряду с уникальной находкой стеной росписи в одном из жилых домов Грависки¹⁰⁴, заставляет пересмотреть привычные концепции.

Интересный материал по внутреннему оборудованию дома дала реконструкция печи с боковыми отверстиями для закладки дров и регулирования жара и совсем неожиданная находка — самая настоящая дымовая труба из черепицы с соответствующей покрывной¹⁰⁵.

Раскопки показали и общий план города. Уже сейчас ясно, что расположение домов в Аквароссе не следует определенному плану: жилища разбросаны по всему пространству холма с большей концентрацией на периферии и меньшей в центре¹⁰⁶.

Включение в научный обиход совершенно нового материала достаточно важно само по себе. Но значение открытий в Аквароссе этим не исчерпывается. Оно гораздо шире. Показывая на археологическом материале, что схема дома и идентичная ей схема храма соответствуют погребальной архитектуре, раскопки Аквароссы окончательно подтвердили гипотезу, выдвинутую еще в связи с исследованиями некрополей Тарквиний, Черветери и Орвьето, что города мертвых мыслились этрусками в значительном сходстве с городами живых¹⁰⁷. Таким образом, благодаря открытиям в Аквароссе теперь в реконструкции этрусского города с полным основанием могут быть использованы все те обширные знания, которые накоплены в ходе изучения некрополей —

¹⁰³ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 148.

¹⁰⁴ M. Torelli, Gravisca (Tarquinia). Scavi nella città etrusca e romana, «Atti dell'Accademia Nazionale dei Lincei», ser. VIII, v. XXV, 1971, стр. 216.

¹⁰⁵ Moscati, Italia sconosciuta.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Pallottino, Colonna, Tarquinia, стр. 620; Mansuelli, Le sens architectural... «Revue archeologique», 1967, № 1, стр. 41—42; Mansuelli, La necropoli orvietana di Crocefisso del Tufo..., SE, 38, 1970, стр. 3; Bizzarri, Orvieto..., стр. 21.

как в отношении урбанистической системы, так и в плане облика дома, теперь уже бесспорно вырисовывающегося на основе архитектурных элементов погребения.

Раскопки Аквароссы в настоящее время одни из самых перспективных, и без их продолжения, как утверждает С. Москати, «уже сейчас нельзя себе представить этрускологию завтрашнего дня»¹⁰⁸.

Другим перспективным городом можно считать Мурло (близ Сиены), который раскапывается с 1966 г. американской экспедицией. Покинутый жителями еще в архаическую эпоху, он, как и Акваросса, должен был сохранить структуру архаического города. Но к раскопкам самого поселения еще не приступали: работы ведутся на акрополе, где вскрыт монументальный архитектурный комплекс второй четверти VI в. до н. э., скорее всего святилище с очень интересной архитектурной терракотой и различными типами барельефов¹⁰⁹.

Наряду с исследованием проблем этрусского города, в течение последнего десятилетия продолжалось и интенсивное изучение прибрежной Этрурии с ее портами и средиземноморскими торговыми связями. Из открытий, сделанных на побережье, наиболее важны взаимно дополняющие друг друга данные раскопок двух центров: Пирги — порта Цер, и Грависки — недавно найденного порта Тарквиний.

Раскопки Грависки, начатые в 1969 г. местным отделением охраны древностей под руководством М. Торелли, в соответствии с планом, намеченным аэрофотосъемкой, вскрыли ту самую колонию Грависка, которая, как известно, была выведена римлянами в 181 г. до н. э. Сразу же было установлено, что римский город возник в этрусском центре, основанном около 600 г. до н. э., этрусское название которого установить не удается¹¹⁰.

В VI — начале V в. до н. э., в период расцвета Тарквиний, значительного развития достигает и Грависка. Это хорошо видно по ее длинным улицам, которые, перекрещиваясь, образовывали обширные кварталы, по частным и общественным зданиям и складам для товаров¹¹¹. Затем в период упадка этрусских центров территория Грависки уменьшается. Находки этого времени менее обильны, зато значение одной из них особенно велико: раскопаны остатки дома с сохранившейся почти на метровую высоту стеной, покрытой росписью¹¹². Это первые росписи, к тому же хорошей сохранности, на стенах жилого дома. Вновь расцветает Грависка в связи с основанием там римской колонии. История ее прослеживается довольно подробно вплоть до IV в. н. э., когда, разграбленная — скорее всего готами — и оставленная жителями, она прекращает существование¹¹³.

Грависка — первый из раскопанных городов, план которого удастся проследить и для этрусского и для римского периода. План этот позволяет сделать вывод о преемственной связи римского и этрусского градостроительства: ориентация улиц и вообще городское устройство в римский период во многом остаются прежними¹¹⁴.

Но основное значение Грависки — не в расширении наших знаний по урбанистике (хотя находки в этом плане исключительно важны, а подчас и уникальны). Порт одной из важнейших столиц двенадцатиградья, Грависка, не только документирует широкий размах торговых операций, но и раскрывает взаимоотношения этрусов с греческим миром, раньше так четко археологически не документированные.

В этом плане особое значение приобретает находка обширного священного участка (с оградой 30 × 20 м) в южном конце поселения. Внутри священного участка раскопано святилище в двумя cellami. В хранилище под храмом обнаружено более

¹⁰⁸ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 148.

¹⁰⁹ K. Meredith Phillips, Bryn Mawr College Excavations in Tuscany, AJA, 76, 1972, стр. 249—255; L. Shoe Meritt, Architectural Mouldings from Murlo, SE, 38, 1970, стр. 3—12, Poggio Civitate (Murlo, Siena). The Archaic Sanctuary, Firenze, 1970.

¹¹⁰ Torelli, ук. соч. 196—241.

¹¹¹ Там же, стр. 198, 227—241.

¹¹² Там же, стр. 216.

¹¹³ Там же, стр. 201 сл.

¹¹⁴ Там же, стр. 200 сл.

тысячи светильников (свидетельство интенсивности культа) и множество ваз — то и другое греческое. Иными словами, речь идет о греческом святилище в этруском городе — факт совершенно новый и исключительно важный, поскольку он отражает наличие греческой колонии¹¹⁵. Керамический материал позволяет датировать найденные постройки VI—V вв. до н. э.¹¹⁶, т. е. временем расцвета Грависки в период этрусской талассократии.

Греческий характер священного участка подтверждается также многочисленными надписями на вазах с посвящениями Гере и находкой мраморной плиты высотой около 130 см с греческой надписью, языковые особенности которой свойственны диалекту Эгины: «Я принадлежу Аполлону Эгинскому, меня приказал сделать Сострат». Надпись датируется концом VI в. до н. э. Упомянутое в ней лицо, по мнению С. Москати, скорее всего идентифицируется с тем Состратом, которого упоминает Геродот (IV, 152) как самого богатого из торговцев, бороздивших Средиземное море до самого Тартесса¹¹⁷. Путь греческих моряков из Эгины на крайний Запад лежал через Италию, и открытие в Грависке показало, что помимо городов, основанных греками на южных побережьях Италии и в Сицилии, они располагали также и колониями внутри крупнейших этрусских центров, во всяком случае в их портах¹¹⁸.

Но если Грависка вносит новое в проблему только этрусско-греческих взаимоотношений, то другой этрусский порт, Пирги, раскапываемый с 1957 г. Институтом этрусологии и итальянских древностей под руководством М. Паллоттино, тоже выявляя несомненно сильное греческое влияние (религиозное, художественное и экономическое), ставит не менее важный и запутанный вопрос о взаимоотношениях этрусов с Карфагеном¹¹⁹.

Из литературных источников давно известно о карфагенском присутствии на окружающих Италию островах и даже в самой Италии. Аристотель (Polit., III, 9, 5, 11) говорит об отдельных политико-торговых договорах Карфагена с этрусскими городами, датируя их временем между серединой VI и началом V в. до н. э. Из приводимого Полибием (III, 22) текста первого договора карфагенян с Римом явствует, что карфагеняне имели непосредственные интересы на Тирренском море и в Италии. Некоторые из этих данных долгое время казались многим исследователям сомнительными, особенно в хронологическом отношении. Казалось невозможным (несмотря на подтверждение карфагено-этрских связей многочисленными находками этрусских предметов в Карфагене¹²⁰), чтобы уже в VI в. до н. э. влияние Карфагена простиралось столь далеко, что он мог вмешиваться, как вытекает из текста Полибия, во внутренние дела итальянских государств и ограничивать их торговлю.

Не только для Моммзена или Белоха, но и для Пиганьоля начало карфагено-римских отношений восходит ко времени не ранее IV в. до н. э.¹²¹ Правда, в итальянской историографии начиная с 1946 г. господствует редкое единодушие в отношении к Полибиевой датировке первого договора Рима с Карфагеном (509 г. до н. э.). Все итальянские исследователи склонны принять ее¹²². Но их убежденность была основана скорее на интуиции, чем на археологических данных. И значение открытия 1964 г. в Пиргах¹²³ прежде всего и состоит в том, что оно явилось первым солидным доказа-

¹¹⁵ Torelli, ук. соч. стр. 228—241.

¹¹⁶ Там же, стр. 242.

¹¹⁷ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 140.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ M. Pallottino, Scavi nel santuario etrusco di Pirgi. Relazione preliminare delle campagne ottava (1965) et nona (1966), «Archeologia classica», XVIII, 1966, 2, стр. 251—278; он же, Scavi nel santuario etrusco di Pirgi. Relazione dell'attività svolta nell'anno 1967, «Archeologia classica», XIX, 1967, 2, стр. 332—335.

¹²⁰ M. Pallottino, Nuova luce sulla storia di Roma arcaica dalle lamine d'oro di Pirgi, «Studi romani», 1965, № 1, стр. 4.

¹²¹ S. Mazzarino, Storia romana, в сб. «La storiografia italiana negli ultimi vent'anni», Milano, 1970, стр. 26.

¹²² Там же.

¹²³ Немировский, Харсекин, Этруски, гл. 1; см. также ВДИ, 1965, № 3.

тельством прочности карфагено-этруских отношений (а следовательно, косвенно и упомянутой Полибиевой датировки), показав существование на тирренском побережье близ устья Тибра — буквально в нескольких десятках километров от Рима — храма карфагенской богине Астарте, которая соответствовала почитавшейся на месте Уни. Посвящение, составленное на финикийском и этруском языках и торжественно записанное на золотых пластинах царским правителем Тефарием Велианой, дало М. Паллоттино основание предположить, что последний обязан карфагенянам своей властью¹²⁴. Правда, этот взгляд, поддержанный рядом итальянских исследователей, в частности Дж. Пульезе Каррателли¹²⁵, не может считаться общеприятным. Так, А. И. Харсекин более осторожно полагает, что содержание надписей, не раскрывающее мотивов посвящения, не дает оснований видеть в Тефарии Велиане прямого ставленника Карфагена¹²⁶. Но в любом случае у исследователей не возникает сомнения в том, что открытие в Пиргах, показавшее же карфагенское политическое влияние, которое проступает между строк приводимого Полибием первого договора карфагенян с Римом, явилось важным этапом в понимании процесса карфагенской колонизации и ее исторической роли. Но главный фактический материал, относящийся к этой колонизации, был получен на окружающих Италию островах.

Раскопки карфагенских древностей на территории окружающих Италию островов, по мнению С. Москати, специально занимающегося вопросами финикийской и пунической цивилизаций, «за последние годы дали такой материал, что можно совершенно по-иному ставить проблему карфагенской колонизации Италии»¹²⁷.

Еще в первые десятилетия нашего века некоему англичанину Дж. Уайтейкеру, купившему маленький островок Сан-Пантелео, прилегающий к крайней западной точке Сицилии, удалось за несколько сезонов выявить значительную часть древнего города, который он отнес к карфагенской эпохе, подтвердив предложенную еще в XVII в. Клуверню идентификацию руин на этом островке с древней Мотией, одним из трех финикийских центров Сицилии, названных Фукидидом (VI, 2, 6).

Уайтейкер обнаружил несколько отрезков крепостной стены с башнями, выложенной из блоков необработанного камня и окружавшей весь остров; на севере острова удалось выявить древнейший некрополь, который возник еще до появления городских укреплений и, судя по наиболее древним образцам протокоринфской керамики, существовал уже в конце VIII — начале VII в. до н. э.¹²⁸ Стены города датируются V в. до н. э., что совпадает со временем перенесения кладбища в местечко Биджи на берегу Сицилии. Были вскрыты также и остатки зданий, датируемых предположительно временем от VIII до V в. до н. э. и небольшая (51 × 31 м) искусственная гавань, расположенная в бухте на южной стороне города¹²⁹.

Результаты своих раскопок Дж. Уайтейкер опубликовал отдельным томом в 1921 г.¹³⁰ Значение открытия сразу же стало ясно, и на протяжении долгих лет Мотия оставалась одним из самых многообещающих археологических объектов Средиземноморья, где ожидался чисто пунический материал, поскольку город, разрушенный в 397 г.

¹²⁴ Pallottino, Nuova luce..., стр. 6.

¹²⁵ G. Pugliese Carratelli, *Intorno alle lamine di Pirgi*, SE, 33, 1965, стр. 224.

¹²⁶ А. И. Харсекин, Проблема этруско-карфагенских отношений в свете новых эпиграфических данных, ВДИ, 1969, № 1, стр. 104.

¹²⁷ Moscati, *Italia sconosciuta*, стр. 78.

¹²⁸ Т. е. как раз в то время, к которому позволяет отнести заселение Мотии финикийцами традиция, передаваемая Фукидидом. Не указывая даты, Фукидид сообщает, что финикийцы сосредоточились в Мотии, Солунте и Панорме тогда, когда «из-за моря прибыло множество эллинов», устанавливая, таким образом, связь с началом греческой колонизации.

¹²⁹ V. Tusa, *Mozia*, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 5, 1963, стр. 1249—1250; И. Ш. Ш и ф м а н, Возникновение карфагенской державы, М. — Л., 1963, стр. 29—30.

¹³⁰ J. I. S. Whitaker, *Motya a Phoenician Colony in Sicily*, L., 1921.

до н. э. Дионисием Сиракузским (Diod., XIV, 47—50), был оставлен жителями, и в римскую эпоху на его месте поселения не было. Однако научная экспедиция была направлена на остров лишь в 1963 г., и после первых исключительно удачных зондажей с 1964 г. в Мотни ведутся планомерные систематические раскопки под руководством А. Часки и В. Тузы.

Раскопками В. Тузы в поселении обнаружен настоящий город, с большой улицей, по обеим сторонам которой выявлены дома, святилище и помещение, где, видимо, изготовлялись и продавались амфоры¹³¹. Но особенно большое значение для науки имеют раскопки обширного святилища, которое было обнаружено при первом же поверхностном осмотре территории в 1963 г. и систематически раскапывается с 1964 г. под руководством А. Часки¹³². Это святилище, где найдены сотни урн и votивных стел, — самый крупный из известных в Средиземноморье тофетов и к тому же уже сейчас наиболее систематически исследованный, хотя раскопки его не доведены до конца¹³³.

Открытие хорошо сохранившегося тофета важно само по себе, поскольку, впервые документируя масштабы жестокого ритуала, оно проливает яркий свет на традицию, передаваемую как классическими авторами, так и Ветхим заветом, сообщающим, что тофеты были местами сожжения младенцев и что жертвы погребались в священных местах¹³⁴.

Но этим значение открытия не исчерпывается. Находимые над многими захоронениями стелы, которых к концу 1971 г. насчитывалось до 700 (от времени между VI и V вв. до н. э.), вносят много нового не только в понимание пунического искусства вообще и его развития на сицилийской почве в частности¹³⁵, но и в изучение более широкой проблемы соприкосновения на сицилийской почве финикийской цивилизации с греческим и итальянским миром.

Стелы имеют на передней стороне изображения, чаще высеченные, но иногда и нарисованные. Преобладают человеческие фигуры — факт, совершенно новый, поскольку на стелах, найденных в Карфагене, именно человеческие изображения чрезвычайно редки¹³⁶.

Характер самих фигур подчас настолько напоминает финикийские образцы, что они кажутся попавшими в Мотню, минуя Карфаген, а подчас явно отражает влияние близлежащего греческого мира Сицилии¹³⁷. Выделяются два основных образа: фронтально поставленная женская фигура в длинной гладкой одежде (скорее всего представляющая Астарту) и фигура мужская (жрец или какое-то божество) как в фас, так и в профиль, в высокой заостренной тиаре и одежде, ниспадающей на отведенную назад ногу с простертой вперед рукой.

Оба образа представлены образцами как более реалистическими, так и более схематическими, геометризованными нередко настолько, что фигура очерчивается только или почти только контурной линией. Правда, возможно, что в некоторых случаях фигуры просто не завершены, но было бы неверно, утверждает С. Москати, исключать и возможность умышленной абстракции¹³⁸. Произведения различны и по уровню исполнения: наряду с изображениями весьма тонкими можно видеть крайне грубые, без соблюдения пропорций, явно созданные в дешевых мастерских.

Греческое влияние прослеживается на материале по крайней мере трех фигурных стел (женская фигура в профиль, одетая в типично ионийские плащ и тунику; фронтальная мужская фигура с телом в виде параллелепипеда, вызывающая ассоциации с гер-

¹³¹ V. Tusa e collaboratori, Relazioni preliminari, «Moza», I—VI, Roma, 1964—1970; Moscati, Italia sconosciuta, стр. 90. О раскопках прибрежной части города до 1966 г. см. S. Moscati, Il mondo dei Fenici, Milano, 1966; Л. П. Маринович и ч., Новые археологические работы в Сицилии и Сардинии, ВДИ, 1967, № 4.

¹³² Tusa e collaboratori, ук. соч.; Moscati, ук. соч. стр. 82—89.

¹³³ Moscati, ук. соч., стр. 82—83.

¹³⁴ Там же, стр. 90.

¹³⁵ Там же, стр. 83.

¹³⁶ A. M. Visi, Le stele puniche, Roma, стр. 59—60; ук. соч., стр. 83.

¹³⁷ Moscati, ук. соч., стр. 83—86.

¹³⁸ Там же, стр. 86.



Рис. 6. Мотия. Стелы.



Рис. 7. Мотия. Маска. Терракота.

ваясь на материале Мотии, безоговорочно настаивает на том, что первые пунические стелы приспосабливались к антропоморфному образу и лишь последующее развитие теологии приводит к абстракции, проявляющейся в области искусства в появлении эмблем¹⁴³. И действительно, если сводить проблему к вопросу, что чему предшествовало, то, конечно, материал Мотии опровергает теорию приоритета абстрактных мотивов перед антропоморфными. Но если отказаться от самой этой традиционной постановки вопроса, то возможно и другое истолкование художественного материала Мотии, впервые предложенное С. Москати. Этот исследователь полагает, что антропоморфные и неантропоморфные модели существовали и сосуществовали с древнейших фаз и что попытка расположить их во временной последовательности ведут к схематизму и упрощению сложной и разнообразной картины формирования пунического искусства, на которое оказывали влияние и условия жизни, и окружающая среда, различные в разное время и на разных территориях¹⁴⁴. Такое понимание позволяет прийти к выводу, что в искусстве Мотии наблюдаются как несомненные черты автополии (о которой говорит антропоморфизм подавляющего большинства стел), так и не менее явное влияние метрополии (на постоянство связей с которой указывают изображения геометрические).

Те же тенденции, которые так четко прослеживаются на материале стел, подкрепляются и другими находками, выявляющими то относительную автономию Мотии, то ее связь с метрополией или даже непосредственно с Финикией, то греческое влияние.

В этом отношении интересна серия хорошо сохранившихся терракотовых масок с изображением Астарты и мужская маска с глазами в виде лунного серпа и широко

мой, и мужская фигура в профиль с лицом не пуническим, а скорее греческого типа)¹³⁹.

Кроме человеческих изображений, мы находим на стелах Мотии также изображения геометрические, схематическую символику божества — от самых элементарных (таких, как квадрат или прямоугольник) до более сложных (стилизованное изображение согнутого человеческого тела)¹⁴⁰. В такого рода стелах видно значительное сходство с карфагенскими¹⁴¹.

Обильные находки фигурных стел вернули исследователей к давней проблеме соотношения антропоморфных и неантропоморфных изображений в пуническом искусстве. До систематических раскопок в Мотии большинство исследователей относило абстрактные мотивы к более ранней фазе¹⁴². Неожиданное обилие стел с антропоморфными изображениями и явная их принадлежность к фазе архаического тофета привели к пересмотру установившихся взглядов. Наиболее развернуто обосновала ставшую преобладающей точку зрения А. М. Бизи, которая, основываясь

¹³⁹ M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 86.

¹⁴⁰ Там же; S. M o s c a t i, Iconismo e aniconismo nelle più antiche stele puniche, «Oriens antiquus», VIII, 1969, 1, стр. 64.

¹⁴¹ M o s c a t i, Iconismo e aniconismo..., стр. 64—65.

¹⁴² Там же, стр. 59.

¹⁴³ B i s i, Le stele puniche, стр. 52—53, 59—60, 62—66, 142—159, 161—162. 179, 194, 211.

¹⁴⁴ M o s c a t i, Iconismo e aniconismo..., стр. 59—67.

улыбающимся ртом¹⁴⁵, которые настолько близки карфагенским образцам¹⁴⁶, что возникает вопрос об импорте форм из Карфагена¹⁴⁷. Но с другой стороны, в терракотах, как и в стелах, заметно и греческое влияние. Причем оно настолько сильно, что иногда приходится говорить не о пуническом искусстве с вкрапленными в него греческими мотивами, но о собственно греческом производстве, будь то результат импорта или местной работы по греческим образцам (например, терракотовая голова тончайшей работы и чисто греческого типа или чисто греческая фигура женщины с ребенком на левом плече)¹⁴⁸. Сходные явления заметны и в архитектуре (обнаруженное вне святилища раскопками В. Тузы сакральное здание VI в. до н. э., развивавшееся впоследствии в строительной технике, сходной с греческой, но по плану чисто пуническому)¹⁴⁹.

Раскопки в тофете, некрополе и самом поселении показали также широкий импорт художественных изделий из соседней Сицилии, в котором можно усмотреть предпосылку влияний на художественное производство Мотии.

Итак, раскопки в Мотии впервые на большом археологическом материале подтвердили правильность нарративной традиции о ранней финикийской колонизации Сицилии, которая оспаривалась рядом исследователей даже после появления публикаций Уайтхекера¹⁵⁰ и которая сейчас уже оспариваться не может ввиду большого материала, особенно керамического, позволяющего выделить финикийскую (или, как предлагает ее называть А. И. Бизи, кипро-финикийскую) фазу колонизации, предшествовавшую фазе карфагенской¹⁵¹.

Материал, документирующий карфагенский период истории Мотии, особенно богат. Уже сейчас вырисовывается в основных чертах облик этой колонии, которая была не только военно-торговым форпостом Карфагена в Сицилии, но и крупным центром художественного производства; становится возможным выявление конкретных связей этого центра с карфагенской метрополией и близлежащим греческим миром.

Размещение на островке давало карфагенским колонистам необходимую им безопасность и вместе с тем открывало перспективы для контактов с местным населением материка. Аналогично Мотии был расположен и другой пунический центр — Сульцис,



Рис. 8. Мотия. Статуэтка. Терракота

¹⁴⁵ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 88—89.

¹⁴⁶ G. Ch. Picard, Arte punica, «Enciclopedia italiana dell'arte antica classica e orientale», 6, 1965, стр. 545.

¹⁴⁷ Moscati, Italia sconosciuta, стр. 89.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же, стр. 88—89.

¹⁵⁰ Обзор дискуссии см. в книге И. Ш. Шифмана «Возникновение карфагенской державы» (стр. 27—28).

¹⁵¹ S. Moscati, Sulla più antica storia dei Fenici in Sicilia, «Oriens antiquus», VII, 1968, 2, стр. 185—193. A. M. Bisi, L'irradiazione semitica in Sicilia in base ai dati ceramici dei centri fenicio-punici dell'isola, «Kokalos», 13, 1967, стр. 30—60. Вторичная колонизация, исходящая от Карфагенской метрополии, как устанавливает А. М. Бизи, начинается со второй четверти VII в. до н. э. (это не значит, конечно, что у карфагенян не было раньше постоянных связей с Сицилией).



Рис. 9. Сульцис (Сан-Антюко). Стела с изображением животного и лунного серпа.

выявляют греческое влияние. Это специфика художественного производства Сульциса, а не всей Сардинии в целом, поскольку в другом сардском центре производства стел, Норе, такое влияние не засвидетельствовано. Прослеживается это влияние обычно в преобладающем среди человеческих изображений Сульциса образе женщины с диском, прижатым к груди (в других местах хотя и известном, но засвидетельствованном слабо). Греческие мотивы выступают здесь как в трактовке складок одежды, так и в самом размещении фигуры в обрамлении колонн с небольшим фронтоном с акротериями. Правда, есть и стелы, где мотив женщины с диском у груди решен грубо и схематично, но их явное меньшинство. Что касается мужских фигур, они в тофете Сульциса редки и все в восточном стиле, без какой бы то ни было примеси греческих мотивов. Это или фронтально стоящая фигура, или фигура идущая, изображенная в профиль¹⁵⁴.

Сравнительно широко представлена группа стел с фигурами животных (чаще всего баранов), что же касается геометрических орнаментов, их найдено всего несколько. Как правило, у этих стел и более простое обрамление: карниз самый элементарный или упрощенного египтизирующего типа, без греческого влияния¹⁵⁵.

Ремесленное производство колонн представлено также множеством терракотовых изделий, среди которых немало вотивных масок типа, уже известного по Мотии; обильны находки амулетов — в виде различных подвесок самой разнообразной формы и материала, масок силенга из зеленоватой и желтоватой стекольной пасты, масок из слоновой кости, повторяющих в миниатюре иконографию терракотовых¹⁵⁶.

Святилище, на раскопках которого сейчас сосредоточено основное внимание археологов, составляет лишь небольшую часть древнего поселения, о значительности которого свидетельствуют мощные участки стен, остатки порта с искусственным перешейком, соединяющим его с материком, и сама «высота», функции которой, по мнению Москати, были не только религиозными, но и военными, а также занявший обширный участок долины некрополь, могилы которого дают большой и разнообразный погребальный инвентарь, превращающий Сульцис в один из наиболее документированных центров пунической Сардинии¹⁵⁷.

¹⁵² См. Т. П. К а ц, Финикийцы в Сардинии, сб. «Норция», вып. 1, Воронеж, 1971, стр. 54.

¹⁵³ M o s c a t i, Il mondo dei Fenici..., гл. 16; ол же, Italia sconosciuta, стр. 92—101.

¹⁵⁴ Там же, стр. 95—97.

¹⁵⁵ Там же, стр. 97.

¹⁵⁶ Там же, стр. 98.

¹⁵⁷ Там же, стр. 98—100.

недавно раскопанный на небольшом острове (современный о. Сан-Антюко) у юго-западной оконечности Сардинии.

Раскопки в Сульцисе, которые эпизодически велись еще с 1954 г.¹⁵², в последние годы приобретают систематический характер¹⁵³.

На возвышенности рядом с выявленной уже ранее крепостью обнаружен тофет, который по масштабам и значению можно сравнить только с тофетом Мотии. Он находится непосредственно у скалы и соединен несколькими помещениями с крепостными стенами. Стратиграфия святилища позволяет четко различить фазы его развития от финикийского времени (с VIII в. до н. э.) до II—I вв. до н. э.

Преобладание человеческих изображений над геометрическими сближает искусство Сульциса с Мотией, но в отличие от Мотии стелы Сульциса значительно шире

Итак, раскопки позволяют увидеть в финикийско-пуническом Сульцисе один из важнейших плацдармов карфагенского господства в Сардинии и одновременно выявить экономическое лицо города, крупного центра ремесленного художественного производства и важного порта, бывшего первой ступенью древней навигации и торговли на путях из Африки в Италию и Испанию, центра, где скрещение культур чувствовалось, может быть, даже сильнее, чем в Моти ¹⁵⁸.

Совершенно новые перспективы в изучении финикийско-пунической колонизации дают раскопки в Монте-Сираи, начатые в 1963 г. после случайного открытия в 1962 г. нескольких карфагенских стел. Раскопки пунического центра, лежащего в 4 км от юго-западного побережья Сардинии, сразу же приобрели первостепенное значение, поскольку впервые был обнаружен ясно выраженный пункт карфагенского владычества не на побережье, а во внутренней области Сардинии.

Над разрушенным нуррагическим центром открыта карфагенская крепость VII—II вв. до н. э. со святилищем, некрополем и жилыми кварталами. Стоявшая на вершине холма, она была окружена мощными стенами, упиравшимися во многих местах в естественную скалу. Внутри городских стен выявлен акрополь, вход на который открывался воротами с башнями по краям. Наряду с укреплениями, расположенными непосредственно на нурраге, от которой остался характерный отрезок криволинейной стены, внутри акрополя открыто небольшое святилище. За пределами акрополя начаты раскопки храма, тофета, небольшого некрополя и самого поселения ¹⁵⁹.

В общем, перед нами небольшой военный центр, который использовался для гарнизона с семьями, но не лишенный и художественного производства. В военном отношении он может рассматриваться как форпост Сульциса, лежащего всего в 4—5 км; поэтому и в области производства Монте-Сираи берет образцы именно оттуда, но пунический элемент в этом производстве скрещивается с весьма заметным местным элементом.

Среди стел тофета Монте-Сираи (которых найдено около сотни) преобладают женские фигуры, преимущественно во фронтальной позиции, либо повторяющие мотивы, известные по Сульцису, либо предлагающие новые, трудно классифицируемые варианты. К струе, идущей из Сульциса, явно добавляется воздействие, оказанное ремесленным производством местного населения, в результате чего некоторые стелы принимают совершенно автономный вид ¹⁶⁰.

Проблему связей колонистов с местным населением Сардинии ставят и обильные находки бронзовых изделий. Вряд ли случайно, что бронзовая продукция оказалась типичной именно для Монте-Сираи, находящейся внутри Сардинии, известной широким расцветом бронзового производства. Обосновавшиеся в Сардинии выходцы с Востока, конечно, принесли с собой определенные навыки этого искусства, но на сами эти навыки не могло не оказать значительного воздействия вполне автономное и широкое производство бронзовых изделий в Сардинии ¹⁶¹.

В другом плане интересны аналогии, предлагаемые терракотами: некоторые модели повторяют типы, известные в Карфагене, хотя и не всегда там распространенные, другие же, напротив, находят аналогии только на Ближнем Востоке, что позволяет не в меньшей мере, чем для Сицилии, говорить о прямых связях между производством Сардинии и финикийским, выделяя, таким образом, из финикийско-пунических памятников чисто финикийский элемент ¹⁶².

¹⁵⁸ S. M o s c a t i, La penetrazione fenicia e punica in Sardegna, «Atti dell'Accademia nazionale dei Lincei», ser. VIII, v. XII, 3, 1966, стр. 237.

¹⁵⁹ F. V a g g e s a e altri, Monte-Sirai I—IV, Relazioni preliminari, Roma, 1964—1967; M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 102—111; о раскопках до 1966 г. см. также К а ц, Финикийцы в Сардинии, стр. 54.

¹⁶⁰ M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 106—107.

¹⁶¹ Там же, стр. 108.

¹⁶² M o s c a t i, La penetrazione fenicia e punica..., стр. 221.

О финикийском элементе можно говорить и в связи с находками среди изделий из кости образца пальметки, распространенного на Ближнем Востоке и затем уже от туда разошедшегося по всему Средиземноморью¹⁶³.

Точно так же и среди многочисленных амулетов Монте-Сираи можно выделить амулеты из стекольной пасты египтизирующего типа, который финикийцы и карфагеняне распространили по всему Средиземноморью, и скарабен из твердого камня, частично также египтизирующего типа, но частично с элементами греческой архаики¹⁶⁴.

Таким образом, производство Монте-Сираи, как и производство его метрополиса Сульциса, дает очень интересную картину скрещения элементов карфагенских (идущих преимущественно через Сульцис) и непосредственно финикийских с элементами, прямыми или косвенно идущими от других народов, — частично греческими (также через Сульцис), но в основном местными. Такой удельный вес местного элемента объясняется самой континентальной позицией поселения, окруженного местными племенами и не имеющего выхода к морю.

Поэтому материалы Монте-Сираи особенно важны для только еще начинающегося изучения сардо-пунического искусства. Возможно, в дальнейшем они смогут пролить в какой-то мере свет на совершенно неясный до сих пор вопрос, «есть ли в этом искусстве наряду с компонентами азиатскими, кипрскими, ионийскими, этрусскими, сицилийскими, александрийскими также еще и элементы нурагические»¹⁶⁵.

Как и в Сицилии, раскрываемые через искусство элементы скрещения различных культур в Сульцисе и Монте-Сираи позволяют поставить более широко проблему взаимодействия этих элементов. Как и в Сицилии, анализ археологического материала дает возможность проследить различные этапы финикийско-карфагенского проникновения. Но сардинский материал благодаря открытиям в Монте-Сираи позволяет ставить вопрос уже не только о первых прибрежных торгово-навигационных пунктах и колониях, но и об освоении внутренних территорий.

Выделив в Монте-Сираи слой VII—VI вв. до н. э. и, следовательно, отнеся возникновение поселения к VII в. до н. э., С. Москати приходит к исключительно важному выводу о проникновении финикийцев в глубь острова еще со времен докарфагенской колонизации¹⁶⁶.

Открытия в Монте-Сираи, поставившие, таким образом, перед историками финикийской колонизации совершенно новые проблемы, дали мощный толчок для целой серии исследований, направленных на систематическое изучение карфагенского распространения в Сардинии.

Исследование прибрежной полосы, прилегающей к Монте-Сираи и Сульцису, уже дало ощутимые результаты: обнаружен ряд центров, идущих от Мадзакары по побережью Сардинии, лежащему напротив Сан-Антиохо через Порто Ботто и Порто Пино до зоны Битти и Норы, где остатки портовых сооружений, каменоломен, святилищ и жилых кварталов не оставляют сомнений в присутствии карфагенян. Более того, удалось показать, что Монте-Сираи — не единственная крепость, поставленная во внутреннем районе для защиты колонизованного побережья: аналогичные крепости были выявлены в Монте-Крубу, в Корроно-Аррубии, в Пани-Лорига. Среди них наиболее интересна основанная тем же Сульцисом крепость в Пани-Лорига не меньших размеров, чем Монте-Сираи, и с аналогичными функциями, насколько можно понять по результатам только еще начинающихся раскопок. Оказалось возможным проследить и дальнейшее проникновение в глубь острова вплоть до долины Кампидано¹⁶⁷.

Проникновение во внутренние районы доказывается и раскопками 1967—1968 гг.

¹⁶³ M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 108.

¹⁶⁴ Там же, стр. 110.

¹⁶⁵ G. P e s c e, Arte punica in Sardegna, «Enciclopedia italiana dell'atre antica classica e orientale», 6, 1965, стр. 561.

¹⁶⁶ M o s c a t i, La penetrazione fenicia e punica..., стр. 225—226.

¹⁶⁷ Там же, стр. 236, M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 110—111.

в Антасе, расположенном несколько севернее Монте-Сираи¹⁶⁸. Стратиграфическое исследование обнаружило здесь наличие доримской фазы храма Антаса, по надписям и ряду находок определяемой как фаза карфагенская и восходящей к VI—V в. до н. э.

Наличие целого ряда пунических центров, хотя и более скромных размеров, обнаружено также вдоль восточного побережья Сардинии от Капо-Карбонара до Кала-Гонне, что дает существенное дополнение к материалам Ольбии.

Таким образом, поставленная раскопкам Монте-Сираи проблема карфагенского распространения в Сардинии теперь может решаться на более широкой археологической основе вследствие изучения районов, где до открытий в Монте-Сираи никто не мог даже предположить возможности присутствия карфагенян.

Новый материал органически сливается с ранее известными данными. «Суммируя новые и старые знания, — подчеркивает С. Москати, — мы можем сказать, что карфагеняне, начиная со скромных прибрежных поселений, достигли к IV в. до н. э. контроля над всем островом»¹⁶⁹. Следует отметить, что вывод этот затрагивает гораздо более широкую сферу проблем, чем может показаться на первый взгляд. «Впервые, — утверждает С. Москати, — получили основательное подтверждение в археологическом материале перипетии союза с этрусками и враждебных действий против греков, завершившихся битвой при Алалии»¹⁷⁰. Угроза Карфагена оказалась более прямой и близкой, чем это предполагалось раньше, также и для Рима, и, следовательно, само понимание будущего столкновения между Римом и Карфагеном может быть осмыслено по-новому в результате общего обновления наших представлений о контроле над островом накануне пунических войн¹⁷¹.

Расширились за последние годы и раскопки древнегреческих колоний в Южной Италии и Сицилии, в ходе которых углубились наши знания о центрах уже известных (Элея, Метапонт, Гела, Мегара Гиблейская, Агригент, Селинунт) и найдены центры новые, ранее не раскапывавшиеся (Гимера, Тераклея, Сибарис).

Исключительно интересными были работы в области изучения италийской цивилизации, где новые находки (особенно в Пестуме, Мелфи, Камповалано, Сипонте) часто возвращают нас к осмыслению старых материалов, нередко найденных еще в прошлом столетии, но игнорировавшихся вследствие общего отсутствия интереса к италийской цивилизации.

Эти материалы заслуживают особого обзора.

Л. С. Ильинская

¹⁶⁸ F. B a r g e s a e a l t r i, Scoperte puniche ad Antas, Roma, 1969, M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 112—120.

¹⁶⁹ M o s c a t i, Italia sconosciuta, стр. 110.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же, стр. 78—79, 111.